

ROMAN RAZUEB

СУРИЯМ
ВИДЕТЬ МЁРТВЫХ

RoMan Разуев

Суриям: Видеть мёртвых

<https://litres.ru/73956909>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Теперь ты должен помогать им». Фраза, которая разбила его привычный мир раньше, чем он успел её осмыслить.

Дима списал это на бред умирающей. До ночи, когда дверь ванной открылась сама, а на кафеле сидела мёртвая женщина и смотрела на него.

Теперь покойники стоят за спиной. Не отпускают. Требуют. А первый призрак уже знает его слабое место.

Полиция объявила его в розыск. Нечисть идёт по пятам. А в толпе мелькает девушка, чей взгляд обещает либо спасение, либо погибель.

В городе, где покойники просят о помощи, а выжившие готовы на всё доверять нельзя никому. Даже своему отражению.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	35
Гла	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

RoMan Разуев

Суриям: Видеть мёртвых

Глава 1

Вечером, возвращаясь в недавно приобретённую квартиру, Дима размышлял, чем бы заняться в выходные.

— До родителей далеко, много денег на такси потрачу. Да и виделись две недели назад — ещё соскучиться не успели. Так что встречусь с друзьями. Надо только позвонить заранее, а то опять ни одного не дозовёшься...

Справа от парня раздался визг шин по мокрому асфальту — и следом глухой, мясистый удар, от которого у Димы свело живот.

Он повернулся и увидел рядом с белой иномаркой бабушку. Её лицо было повернуто к Диме, и она смотрела прямо на него — даже упав, не отрывая взгляда, словно ждала именно его.

— Вот же чёрт! — крикнул он и подбежал к старушке. — Звони в скорую.

Краем глаза взглянул на водителя. За рулём сидел пожилой мужчина с мутными, заплывшими глазами. Сквозь открытую дверь из салона тянуло перегаром и дешёвым табаком. Он не обратил внимания на слова парня и нажал на газ

— покатил прочь, будто ничего не случилось.

— Козёл! — прокричал Дима вслед и достал телефон, чтобы набрать номер скорой. Пальцы скользили по влажному экрану.

— Они сейчас приедут, только не закрывайте глаза! — Голос звучал глухо и неестественно громко в наступившей тишине. Прохожие замерли в нескольких шагах, но никто не подходил ближе.

По асфальту медленно растекалась кровь.

— Теперь ты должен будешь помогать им, — прошептала старушка, взяв его за руку. Ладонь у неё оказалась неожиданно холодной и цепкой, как мокрая перчатка.

Внезапно он почувствовал, как её кровь обжигает его ладонь — жар поднялся от запястья к пальцам, словно он сунул руку в кипяток. Но некогда было заострять на этом внимание.

Скорая приехала через пять минут. Врачи выскочили из машины, хлопнули дверцами, подбежали к старушке. Через минуту один из них выпрямился и покачал головой.

Люди, которые находились рядом, стали расходиться по своим делам, словно ничего не произошло: кто-то поправил сумку, кто-то достал телефон и уставился на экран. Только Дима продолжал смотреть вслед уезжающей скорой, пока её мигалка не скрылась за поворотом.

— Вы запомнили номер машины, которая сбила её? — полицейский повторил вопрос. Молодой, с усталым лицом,

он дышал Диме в плечо — пахло кофе.

— Да. У меня хорошая память.

Дима вышел из ступора и рассказал всё, что произошло, после чего отправился домой.

— Ну как же так? Прямо на моих руках умерла, — взглянул он на окровавленные руки.

Кровь уже начала подсыхать, стягивая кожу липкой коркой, и на ветру этот запах — железа и соли — казался невыносимо чужим.

Дома первым делом отправился в ванную. В коридоре было тихо, только холодильник гудел где-то на кухне привычным, почти утробным гулом.

Он снял испачканную одежду и начал мыть руки, но почти сразу почувствовал боль. Острая, жгучая, она прошла от центра ладони к локтю, заставив охнуть. Взглянув на правую ладонь, он увидел ожог, который повторял форму звезды с глазом в центре. Кожа вокруг была белой, натянутой, как пергамент, а внутри — влажная, красная.

— И что это за хрень? Когда я умудрился обжечься? — не понимал Дима.

Отмывшись от крови, обработал рану и перевязал её. Однако даже после этого рана продолжала болеть и гореть, словно под бинтом всё ещё тлел уголёк. Пришлось принять обезболивающие.

«Надо будет завтра сходить в больницу, вдруг что-то серьёзное», — подумал он.

После позднего ужина решил позвонить друзьям, чтобы договориться о встрече, но все, как на зло, отказались, сославшись на занятость. Кто-то не брал трубку, кто-то сбрасывал после первого гудка, а у одного из приятелей вдруг оказался «неверный номер», хотя Дима звонил по сохранённому контакту.

— Ну и ладно. Хоть выплюсь за выходные.

Трудился Дима в офисе на Петроградской стороне, куда его позвал друг. Заманил высокой зарплатой и гибким графиком — мол, хоть из дома работай. Приняли Диму на должность тестировщика. Устранял разные ошибки в играх и приложениях. Приходилось всматриваться в каждую подозрительность и всё неоднократно проверять. Глаза к вечеру краснели, а в голове путались строчки кода.

Выспаться у Димы не получилось. Как только уснул — а уснул он ближе к часу, — ему приснилась погибшая бабушка. Сон был липким и плотным, как туман над Фонтанкой. Она стояла в сером, ни разу не освещённом пространстве, и воздух вокруг неё пах землёй и сухими цветами.

— Я кое-что тебе передала, — сказала она и взяла его за руку.

Её пальцы были холодными, но теперь ожог под бинтом отозвался глухой, далёкой пульсацией — будто там, внутри, что-то начало просыпаться.

— Это вы сделали? Зачем? — спросил он. Голос в пустоте сна звучал глухо, как в пустой коммунальной квартире.

— Ты хороший человек и должен помогать им. Они нуждаются в нашей силе. Самое главное — не бойся их, — произнесла она, не ответив ни на один его вопрос.

— Я вас не понимаю! Кому я должен помогать? И о какой силе вы говорите?

Дима чувствовал, как слова застревают в горле, а под ладонью всё ещё тлеет ожог — теперь уже ровным, спокойным теплом.

— Скоро всё узнаешь.

Она исчезла, и Дима проснулся.

Он резко сел на кровати. В комнате было темно и тихо. Под одеялом было жарко и влажно — словно он бежал несколько кварталов.

— Приснится же такое!

Из ванной комнаты донёсся тихий женский плач. Не громкий, не истеричный — скорее усталый, безнадёжный. Затем свет начал включаться и выключаться. Короткие вспышки резали темноту, выхватывая части комнаты.

Дима посмотрел на открытую дверь комнаты, и по его телу пробежала дрожь — не от холода, а от того липкого, необъяснимого страха, когда мурашки идут не по коже, а под ней.

— Наверное, в соседней квартире кто-то плачет, а мне кажется, что это из ванной. А свет мерцает из-за перебоев с электричеством, — успокаивал он себя.

Вдруг дверь ванной, что хорошо просматривалась из комнаты, стала медленно открываться. Петли привычно скрип-

нули — этот звук Дима знал с первого дня в квартире, но сейчас он растянулся, стал тягучим, как капля масла.

Там было темно. Но когда свет вновь включился, он увидел девушку. Она сидела спиной к стиральной машине, и длинные спутанные волосы закрывали лицо. Голова её была опущена, плечи мелко дрожали.

Ногти скребли по старой плитке, — она плакала так, словно молила о помощи.

Плач прекратился, и она повернула голову к Диме. В этот момент сердце парня замерло — на секунду показалось, что оно просто перестало биться, — и он почувствовал холод.

Девушка, которая неизвестно как оказалась в его квартире, медленно поползла к нему. Её длинные ногти издавали противный стук, похожий на щёлканье счётчика. Чем ближе она приближалась, тем сильнее пугала Диму.

Он хотел закричать, но горло сдавило, будто невидимой рукой.

Она подползла к кровати и начала забираться на неё. Простыня втянулась, матрас прогнулся под невидимой тяжестью.

— Ты меня видишь? — прошептала она, как если бы кто-то говорил прямо в ухо.

И в ту же секунду перепуганный до смерти парень вскочил с постели. Он перепрыгнул через неё, чувствуя себя невесомым — ноги сами оттолкнулись от матраса с нечеловеческой силой, — и, пробегая мимо прихожей, сорвал ключи с крюч-

ка. Металл звякнул и скользнул по пальцам, чуть не выпав, но Дима сжал их до боли в костяшках и выбежал прочь из квартиры.

Когда Дима выбежал на лестничную клетку, сосед, который шел мимо, чуть не вскрикнул от испуга.

Пожилой мужчина в помятом тренировочном костюме, с пакетом мусора в руке, отшатнулся к перилам. Они едва не столкнулись, но парень вовремя остановился, тяжело дыша.

— Ты куда так торопишься? — сосед схватился за перила.

Из подъездной шахты тянуло сквозняком и табачным дымом с нижних этажей.

— Там... — Дима не мог подобрать слов.

— Что там? — спросил сосед.

— Какая-то женщина пробралась в мою квартиру! — наконец выдавил из себя Дима.

— Ну пойдём, посмотрим! — услышав, что это женщина, сказал сосед и решительно шагнул к двери.

Войдя внутрь, они вместе начали осматривать квартиру. Сосед заглянул на кухню, зашёл в ванную, даже приоткрыл шкаф в коридоре — но там никого не оказалось. Дима проверил комнату, заглянул под кровать. Там было пусто: только пыльные комки и забытый носок.

— И где она?

— Я точно её видел! Может, через окно сбежала? — Дима подошёл к окну.

За стеклом темнел двор-колодец, где на верёвках суши-

лось бельё, а внизу, на асфальте, тускло горел одинокий фонарь.

— Ты совсем? На пятом этаже живёшь! Как она могла через окно сбежать? В общем, это и не важно. Пойду я.

Дверь за ним захлопнулась, и в коридоре снова стало тихо — только часы на кухне мерно тикали, отсчитывая минуты до рассвета.

Дима ещё раз обошёл все места, после чего лёг возле телевизора.

«Может, точно приснилось? Но как? Я же не спал», — задумался он.

Веки тяжелели, но внутри всё ещё тлел страх, который не отпускал, даже когда вокруг уже никого не было.

Когда на рассвете в квартиру проникли лучи солнца — сначала бледные, сероватые, какие бывают в Петербурге ранней осенью, когда небо ещё не решило, наступать ли дню, — парень наконец смог заснуть. Свет легонько касался лица. В этих лучах не было ничего страшного.

Он ощутил себя в безопасности и проспал до обеда. Однако всё равно не выспался. Голова была чугунной, а на правой ладони, под бинтом, ожог пульсировал ровно и спокойно — как живой.

Сонный, он вошёл в ванную комнату.

Она стояла прямо перед ним — бледная, в сером платье, с мутными, как утренний туман, глазами. И, прежде чем он успел напугаться от неожиданного появления незваного го-

стя, услышал:

— Не бойся. Я не причиню тебе вреда. Мне лишь нужна твоя помощь.

Голос её звучал глухо, будто доносился из-за толстой стены, но каждое слово было чётким.

— Кто ты? — удивлённо спросил Дима. — Как попала в мою квартиру?

— Я тут уже два месяца живу.

— Тут что, есть потайная комната? — Дима бросил взгляд на стены, где не было ни щели, ни выступа.

— Нет. Смотри.

Женщина прошла сквозь стену — медленно, будто погрузилась в густой кисель, — и вышла позади парня.

— Я мертва.

Это ещё больше напугало парня, но бежать было некуда.

— Раньше ты меня не видел, но почему-то сейчас видишь! — она сделала задумчивое лицо. Наклонила голову, и её полупрозрачные волосы шевельнулись без ветра.

— Значит, я купил квартиру с призраком?

Волосы зашевелились от страха — не фигурально, а на самом деле, будто по коже пробежались невидимые пальцы.

— Получается так.

— Я ничего не понимаю. Совсем запутался, — он схватился за голову. Ладони были влажными, а под бинтом на правой руке ожог вдруг пульсировал сильнее — ровно, как метроном.

— Что тут непонятного? Меня убили в этой квартире. Поэтому я вынуждена находиться тут. Думала, вечность буду призраком, ну или пока не найдут моё тело. Поэтому я частенько плачу в ванной, но ты смог меня увидеть. Я была так удивлена этому, что решила подползти поближе, а ты испугался и убежал. Пришлось ждать дня, чтобы было не так страшно и я могла всё объяснить, — закончила она.

— Не думал, что призраки существуют, — Дима подошёл к столу на кухне. Налил стакан воды. Вода из-под крана была холодной, с привкусом хлорки, но он выпил её залпом, не чувствуя вкуса.

— Поможешь мне?

— Как? Твоими поисками должна заниматься полиция, а не я!

Он выпил и сел на стул. Опёрся локтями о столешницу, на которой ещё оставались крошки от вчерашнего ужина.

— Они не смогут меня найти. Когда муж меня убил, я ещё целый день тут пролежала. Он всё это время придумывал план, как избавиться от тела раз и навсегда. В итоге ночью вынес меня и положил в багажник. Отвёз в лес за городом. Там уже была готова яма и железный ящик. Он засунул меня в ящик и закопал. Вот только закопал под деревом, чтобы наверняка не нашли...

— Продуманный гад! — перебил женщину Дима.

— Я там ещё несколько раз была, чтобы не забыть, где тело. Из-за того что он повредил корни дерева, оно почти пол-

ностью высохло. Тебе не составит труда найти меня, после чего вызвать полицию. Мы оба будем в плюсе. Я наконец-то исчезну, а ты будешь жить без призрака. По рукам?

— Даже если я найду тело, как я это объясню полицейским? Они подумают, что я убил тебя. Мне потом потребуется много времени, чтобы доказать обратное. Я не могу так рисковать, извини! — ответил Дима.

— Тогда я расскажу другим призракам, что ты нас видишь. Придётся день и ночь выслушивать их, а ведь среди них есть и очень страшные. Надолго тебя не хватит, и ты сойдёшь с ума, после чего попадёшь в психушку.

Её голос стал твёрже, почти металлическим, и в нём не осталось и следа прежней грусти.

— Шантажировать теперь будешь?

— Да. Будь ты на моём месте, тоже бы пошёл на всё. Не хочу я находиться среди живых. Хочу наконец-то увидаться с родными, — с грустным видом сказала она.

Её лицо на мгновение стало почти человеческим, и в мутных глазах промелькнуло что-то тёплое, как свет дальнего окна.

— Уговорила. Но надо всё обставить так, будто случайно тебя нашёл.

Дима тяжело вздохнул и провёл рукой по лицу. Кожа была горячей, а под пальцами — шершавая щетина.

— Куда вас? — спросил таксист, когда Дима сел в салон.

Машина пахла дешёвым освежителем.

— В супермаркет.

Парень купил металлоискатель и сапёрную лопату. В магазине было людно, кассы гудели, а продавец в отделе инструментов долго смотрел на него с недоумением, но промолчал.

После этого таксист отвёз его в лес. Там он рассчитался и пошёл туда, куда его вела женщина. Она скользила впереди, едва касаясь земли, и Дима то и дело терял её из виду за стволами, но каждый раз находил снова.

— Мы пришли. Вот это дерево, — сказала она.

Дима с помощью металлоискателя проверил. Прибор за пищал тонко и настойчиво — под землёй действительно было что-то металлическое.

Тогда он принялся раскапывать. Лопата входила в сырую лесную землю с хлюпающим звуком, комья летели в стороны.

Он откопал ящик — ржавый, мокрый, облепленный грязью и червями.

— Теперь открой его, — сказала женщина.

— Нет. Я не хочу видеть разложившееся тело.

Дима вытер пот со лба. Рукав куртки сразу стал влажным и холодным.

— Это нужно сделать. Что подумают полицейские, когда увидят не открытый ящик? Явно решат, что ты знал о трупe. Давай! Один удар лопатой — и замок сломается!

Дима ударил по маленькому китайскому замку, и тот сломался. Металл хрустнул, как сухая ветка. Потом он кончиком лопаты открыл ящик. Крышка со скрежетом отошла в сторону.

То, что он там увидел, было намного страшнее, чем показывают в фильмах. Скрюченное тело в истлевшей одежде, волосы, прилипшие к ржавому дну, и пустые глазницы, которые, казалось, смотрели прямо на него.

Он вдохнул этот стойкий аромат — сладковато-гнилостный, удушающий, от которого мгновенно свело живот, — закрыл ящик и поспешил блевать. Его выворачивало до тех пор, пока не пошло желчью, а в горле не запершило так, будто он наглотался дыма.

Лишь потом, когда закончил, вытер рот тыльной стороной ладони и позвонил в полицию.

Вскоре лес заполнился полицейскими и другими специалистами. Запах табака и резины смешался с лесной сыростью, вспыхнули фары машин, защёлкали рации.

Диму отвезли в отдел, где и допросили.

— Я же вам говорю: решил опробовать новый металлоискатель и отправился в лес. Буквально сразу наткнулся на ящик, выкопал, а дальше вызвал вас.

К счастью, долго держать не стали — к тому же не было причин. Он лишь свидетель, а не подозреваемый.

Вернувшись домой, Дима увидел женщину. Она уже ждала его, стоя у окна кухни, и сквозь неё просвечивали сумер-

ки за стеклом. Лицо её было спокойным, почти счастливым.

— Спасибо большое. Теперь я могу уйти. Но прежде хочу сделать тебе небольшой подарок...

«И какой подарок следует ожидать от призрака?» — подумал он. В горле пересохло, а ладонь правой руки, где был ожог, вдруг стала тёплой.

— Если не хочешь, чтобы тебя доставали призраки, тела которых не найдены, прячь свои глаза. Думаешь, как я поняла, что ты можешь видеть меня? Я увидела огонь в глазах, и они привлекли моё внимание. Советую носить тёмные очки. Мне пора, — сказала она и исчезла с улыбкой на лице.

Растаяла, как утренний туман над карнизом, и даже холодок, который всегда её сопровождал, рассеялся через несколько секунд.

Дима прошёл в ванную, чтобы помыться. И тут он вспомнил про повязку на руке. Рана, которая там была, больше не болела, и тогда он решил проверить. Сняв бинт, удивился: раны больше не было. Кожа на ладони стала гладкой, розовой, словно ничего и не случилось.

— Ну и странности стали происходить в моей жизни, — высказался он и решил по памяти найти ту метку, что была на руке.

Облазив весь интернет — от заумных форумов до мутных сайтов с чёрным фоном и анимированными черепами, — ему всё же удалось кое-что найти. За окном уже стемнело, и монитор светил в лицо бледным, усталым светом.

Метка «Суриям» использовалась ведьмами и чёрными магами. С помощью магии они создали её и начали использовать в своих планах. Наносили с помощью крови на ладонь, читали заклинание, после чего в течение суток она исчезала, наделяя глаза способностью видеть мёртвых. С помощью призраков ведьмы и колдуны были практически неуязвимы. Но вскоре они ослабели и не смогли использовать её в своих грязных планах.

— И почему та старушка перед смертью передала мне это проклятие? Не хочу видеть мёртвых! Надо найти способ избавиться от неё.

Дима просидел в интернете до глубокой ночи. Он пил остывший чай, тёр глаза, но так и не смог узнать, как избавиться от метки. Оставалось лишь воспользоваться советом призрака: носить тёмные очки и стараться избегать призраков.

Но получится ли?

Глава 2

По улице, спотыкаясь о мокрый гранит, бежала женщина в грязной, порванной одежде. Рваный подол хлестал её по ногам, длинные спутанные волосы липли к бледному, как воск, лицу.

Она кричала. Кричала так, что стёкла витрин, казалось, должны были лопнуть от этого отчаянного, надрывного звука.

— Прошу вас, помогите! — её голос хрипел, срывался на ледяной шёпот и снова взлетал вверх, отражаясь от стен. — Помогите же!

Но люди шли мимо. Они спешили, пряча лица в воротники курток, бессмысленно тыкая в телефоны. Сквозь неё, как сквозь струю промозглого тумана, бесцеремонно прошёл мужчина в дорогом пальто — даже не поёжился. Девушка в наушниках прошла сквозь её руку, не почувствовав прикосновения смерти.

Никто не слышал этого крика, никто не видел этой агонии. Кроме молодого парня, неподвижно стоявшего через дорогу у светофора. Его карие глаза, почти лишённые блеска, внимательно следили за тем, как живые тела проходят сквозь мёртвую плоть. А женщина всё кричала, раз за разом, хотя в глубине её пустых глаз уже поселилась ледяная, чудовищная ясность: она мертва. Её нет.

«Это не моё дело, — подумал Дима. — Надо держаться подальше».

Он развернулся, делая шаг в сторону, как вдруг воздух замер. Город затих. И сквозь этот неестественный вакуум снова прорезался её голос:

— Если вы мне не поможете, мой ребёнок умрёт! — закричала она в полную силу призрачных лёгких.

Она рухнула на колени прямо в ледяную жижу, закрыв лицо трясущимися ладонями, похожими на пауков.

Минута. Другая.

Женщина краем глаза увидела чьи-то ноги рядом. Медленно, словно боясь спугнуть наваждение, она подняла глаза. Перед ней стоял парень в чёрном костюме, который, казалось, совсем не грел на этом ветру.

Он не смотрел на неё. Его взгляд был устремлён куда-то вдаль, туда, где за Невой разверзалась бездна неба — словно он пытался разглядеть то, что скрыто от глаз живых: какую-то тонкую, кровавую нить судьбы.

— Вставай и иди за мной, — произнёс он.

Озадаченная, чувствуя, что это её единственный шанс, женщина послушно пошла за ним.

Они шли около десяти минут. Молча. Только шорох его ботинок и беззвучное движение её призрачного тела. Город давил на них тяжёлыми дворами-колодцами, где из открытых форточек доносился чужой смех, похожий на истерику.

Наконец, они достигли подъезда. Обычная питерская па-

радная с облупившимся лепным ангелом над аркой, который, казалось, плакал ржавой водой. Дима, по-прежнему храня гробовое молчание, толкнул тяжёлую дверь. Внутри пахло сыростью, кислой капустой и старостью.

Он поднялся на третий этаж, где ступеньки жалобно скрипели под его весом — а её вес не ощущался вовсе. Ключ щёлкнул в замке. Дима открыл дверь своей квартиры и шагнул внутрь.

— Чего стоишь? — повернулся он к ней и спросил.

В прихожую потянуло сквозняком.

Женщина стояла на площадке. Её пальцы судорожно тербли край грязного платья, скручивая материю в такие узлы, будто это была последняя надежда за что-то уцепиться. Глаза, полные ужаса, были прикованы к порогу — тонкой полоске металла.

— Я не могу войти, — прошептала она.

Этот шёпот прозвучал как похоронный марш.

— Хозяин должен пригласить меня... По другому мне не войти.

Парень прищурился. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на усталость.

— Входи, — произнёс он.

Она переступила порог.

В тот же миг лампа в коридоре моргнула, а половица под ногой Димы жалобно взвыла. Женщина, оставляя за собой лишь запах озона и сырой земли, нерешительно вошла. Ди-

ма, не глядя на неё, захлопнул дверь — звук прокатился по лестничной клетке, как выстрел.

Он жестом указал ей на старый диван.

— Я слышал, как ты кричала... — начал он, садясь напротив в кресло. Тревожно, с пристальным интересом хирурга, взглянул на неё. — Что-то про ребёнка... Почему он погибнет, если тебе не помочь?

Женщина судорожно вздохнула — хотя её грудь уже не должна была подниматься. Она собирала остатки той силы, что держала её в этом мире.

— Ему всего два года, — её голос дрогнул, раскололся на тысячу осколков. — Мой Ваня... Он совсем один там. В деревне. В ледяном доме. Если ему не помочь, он умрёт с голоду... Или замёрзнет. А я как ты сам понимаешь, не в состоянии ему помочь.

Дима нахмурился. В комнате вдруг стало душно.

— Но почему ребёнок один? — спросил он тихим голосом.

— Отец бросил нас, когда узнал, что я беременна, — ответила женщина. — После рождения Вани я использовала материнский капитал, купила домик в деревне. Не спрашивай, это была ошибка. Мы жили скромно... детских денег едва хватало на хлеб и кашу. Но вчера... — она замялась, и стены квартиры будто бы сдвинулись. — Позвонил человек. Сказал, что заплатят очень хорошо. Много. Столько, что хватит на всю жизнь. И я не смогла отказаться...

Дима окинул её долгим, цепким взглядом. Он сразу понял, что это за работа. В его глазах мелькнуло что-то похожее на тошноту. Он прекрасно знал: обеспеченные люди с каменными лицами ищут таких молодых женщин — беззащитных, отчаявшихся, готовых на всё ради ребёнка.

— И что же случилось? — спросил он.

— Мне не заплатили, как ты уже понял, — её голос стал монотонным, словно она читала страшную сказку. — Меня убили. Задушили прямо в той квартире на Лиговском. А потом сбросили в канализацию. Моё тело всё ещё там, в ледяной жиже, среди крыс и гнилых труб... Но не это самое главное... Умоляю вас, вы должны поехать в деревню и помочь моему сыну.

— Не всё так просто, как кажется, — задумался Дима.

Он медленно, словно заводная кукла, почесал голову, и ногти царапнули кожу с сухим, неприятным звуком.

— Если меня там увидят, попаду под подозрение в убийстве. А я не хочу проблем, — наконец он снял тёмные очки.

Женщина вздрогнула и увидела пламя в его глазах — не отсвет пожара и не блик люстры, а настоящее, глубокое, золотисто-багровое пламя, которое горело где-то за зрачками и не давало тепла.

— И что же делать? — прошептала она, вжимаясь в диван, хотя бояться ей уже было незачем.

— Можешь рассказать, кто тебя убил? — спросил Дима.

— Это бизнесмен Николай Клюев! — выкрикнула она. —

Он задушил меня собственными руками, даже не вспотев. А потом его люди скинули меня туда, в черноту.

— Хорошо, — отстранённо произнёс Дима.

В его голосе не было облегчения, только липкая, тягучая задумчивость.

— И что же в этом хорошего?! — воскликнула женщина.

— Нет... — парень попытался смягчить ситуацию, но его лицо осталось маской. — Я не об этом. Хорошо, что ты знаешь убийцу. Значит, есть за что зацепиться.

— Он, наверное, сейчас плачет и зовёт меня, — тихо, упавшим голосом расплакалась женщина.

Её слёзы падали на колени и исчезали, не оставляя влажных пятен.

Дима промолчал. Он медленно поднялся и подошёл к компьютеру.

Словно в трансе, он вытянул руки и принялся набирать текст. Пальцы его, длинные и бледные, забегали по клавиатуре с пугающей автоматичностью, будто ими кто-то управлял извне. Каждое слово ложилось на экран тяжёлым, жирным шрифтом — как мазок кисти художника, пишущего не картину, а приговор.

Прошло несколько мучительно долгих минут, за которые в комнате не прозвучало ни звука.

Вот уже работа была завершена. С лёгким вздохом облегчения — или изнеможения? — он нажал кнопку «распечатать». Принтер вздрогнул, оживая, застрекотал, как цикада в

летнюю ночь, и начал выпускать на свет плод труда. Лист за листом выползали из тёмного нутра, исписанные чёрными, чуть влажными буквами.

В записке он написал, что стал очевидцем убийства. Указал имя убийцы — чётко, без ошибок, словно диктовала сама совесть. Указал место, где лежит тело: та самая канализация.

Осталось лишь одно: подкинуть письмо к отделу полиции, не попасться, после чего отправляться в деревню.

Когда на улице стемнело, Дима надел не только очки, но и чёрную маску, скрывающую лицо ниже переносицы. На голову нацепил низкую кепку — такую, что даже случайный фонарь не выхватил бы его черт. Руки спрятал в тонкие перчатки, похожие на вторую кожу. Полностью подготовленный, похожий на ночного хищника, он направился к отделу.

На противоположной стороне мокрой, пустой улицы он замер. Внимательно изучал здание — грязно-белое, с тусклыми окнами и тяжёлой дверью. Оно напоминало склеп, где живые лишь делают вид, что служат закону.

Дима стоял неподвижно, как охотник, выслеживающий добычу. Затем осторожно приблизился, почти на цыпочках, и приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы просунуть руку. Ловко, одним отточенным движением, забросил внутрь коробочку с запиской. Та со стуком покатилась по кафельному полу и замерла у тумбочки дежурного.

Сделав своё дело, Дима быстро растворился в тени. Не

оглядываясь. Не дыша. Он исчез так же бесшумно, как ночной призрак, что прошёл сквозь стену.

Отойдя подальше — туда, где тусклые фонари уже не могли достать своими жёлтыми пальцами, — Дима достал телефон и вызвал такси.

Машина приехала быстро, будто её кто-то подогнал из темноты. Он сел на заднее сиденье и назвал адрес деревни. Всё это время женщина оставалась рядом с ним. Она сидела на том же сиденье, но таксист, конечно, её не видел — только ёжился от внезапных сквозняков и поправлял зеркало заднего вида.

Женщина была взволнована: призрачные пальцы комкали край платья, она нервно поглядывала по сторонам, на проносящиеся мимо вывески, на чёрную воду каналов, на лица спящих домов. Она с таким нетерпением ждала момента, когда они наконец доберутся до деревни, что воздух в салоне стал тяжёлым, как перед грозой.

Примерно через полчаса езды по разбитой, гулкой дороге, где гравий хрустел под колёсами, как кости, женщина резко вытянула руку и указала на одинокий дом, стоящий на отшибе. Его тёмный силуэт напоминал сгорбленного старика, уткнувшегося лицом в землю.

Таксист остановил машину. Дима попросил водителя подождать, сунул ему купюру и вышел.

Он направился к дому. Каждый его шаг по хрустящей траве звучал неестественно громко в этой мёртвой тишине.

Женщина скользнула вперёд и показала рукой на покосившееся крыльцо.

— Там, под ковриком, — прошептала она.

Дима нагнулся, откинул грязный, пропитанный влагой половик и нащупал холодный ключ.

Когда парень вошёл внутрь, его встретил запах запустения, кислого молока и детского пота. В комнате царил полумрак. И там, на полу, среди разбросанных игрушек и пустых бутылок из-под воды, он обнаружил ребёнка.

Мальчик ползал по липкому линолеуму, весь испачканный, в переполненном памперсе, который давно уже не спасал. Его рубашонка задралась, и виднелись худые рёбра. Увидев незнакомца, Ваня не заплакал — он только издал тихий, надрывный хрип, похожий на писк птенца, выпавшего из гнезда.

— Ну вот и всё, — сказал Дима, стараясь, чтобы голос не дрожал. Он медленно, чтобы не напугать, присел на корточки. — Забираю его и отвожу в больницу.

— Стой, — попросила женщина.

Она позвала сына. И тогда случилось то, от чего у Димы волосы зашевелились на затылке.

Мальчик, который, казалось, уже не видел ничего, кроме мутной пелены голода и усталости, вдруг резко поднял голову. Его глазки расширились. Он увидел её. По-настоящему. Там, где для живого человека была лишь пустота, для ребёнка оказалась мать.

Ваня мгновенно потянулся к ней маленькими, перепачканными руками, раскрыл ротик в беззвучном крике и заплакал — ещё сильнее, ещё отчаяннее.

Увы, мать не могла даже обнять своего ребёнка. И этот горький, чудовищный факт заставил дом наполниться слезами — невидимыми, но осязаемыми, как кислота.

Маленький Ваня, едва держась на ногах, пытался дотянуться до неё своими крошечными ручонками снова и снова.

Наблюдая эту сцену, Дима, сам того не замечая, выпустил скую, горячую слезу. Она скатилась по щеке и упала на грязный пол.

— Переодень его и поедem, — с тихой, бесконечной грустью произнесла женщина, отводя взгляд от сына, потому что смотреть на это было выше её призрачных сил.

Диме, который раньше не имел дела с младенцами, пришлось осваивать уход за малышом. К счастью, она была рядом и давала советы: как снять грязный памперс, чем протереть складочки, как застегнуть ползунки.

Когда всё было сделано и ребёнок немного успокоился, Дима бережно взял Ваню на руки. Малыш был лёгким, как птенец, и тёплым.

Дима вышел из дома и направился к машине. Женщина скользнула следом, заслоняя их от ветра своим бесплотным телом.

У таксиста, едва парень открыл дверь, сразу возникли вопросы. Он уставился на малыша, потом перевёл взгляд на

самого Диму — маска, кепка, перчатки, спортивный чёрный костюм. Водитель инстинктивно положил руку на рычаг коробки передач, готовый рвануть прочь.

Дима выглядел подозрительно — его одежда больше подходила уличному хулигану, нежели заботливому отцу.

— Моя бывшая жена позвонила мне в пьяном угаре и сообщила, что ребёнок остался дома один, — заговорил парень, не дожидаясь вопроса.

Голос его звучал ровно, почти убедительно, но внутри всё сжималось от лжи.

— Пришлось срочно ехать, поэтому маскируюсь, чтобы моя нынешняя супруга ничего не заподозрила.

Он на секунду замолчал, чувствуя, как призрак женщины тревожно замер у него за спиной.

— Даже ключи от её квартиры у меня есть, — объяснил он.

— И куда теперь? — с явной тревогой поинтересовался таксист, нервно перебирая пальцами руль.

— В больницу, — ответил Дима, прижимая Ваню к груди. — Боюсь, мне некуда его деть.

Он чувствовал себя самым плохим человеком на земле.

Когда они наконец добрались до больницы — серого, мрачного здания, похожего на крепость, — Дима быстро расплатился с таксистом. Тот, словно спасаясь от заразы, рванул прочь. Его красные габаритные огни растаяли в темноте, оставив Диму одного с ребёнком на руках и призраком.

Ребёнка нужно было передать врачам и незаметно скрыться. Но всё пошло не так, как задумывалось.

После того как Дима зашёл в приёмный покой — залитый мертвенно-белым светом люминесцентных ламп — и передал малыша в руки медсестры, его засыпали вопросами: откуда ребёнок, где мать, почему он в таком состоянии? Дима повторил ту же историю, что и таксисту, но легче не стало.

Медсестра — женщина с острым взглядом и поджатыми губами — потребовала номер его бывшей жены. Дима почувствовал, как ледяной ветер прошёл по спине: это женщина-призрак коснулась его плеча. Пришлось обратиться к ней. Она, застыв в углу приёмного покоя, продиктовала номер тихим, еле слышным голосом, который воспринимал только Дима. Он повторил цифры медсестре. Та записала, нахмурилась, но, странным образом, не стала проверять сразу.

Затем женщина-призрак шагнула вперёд.

— Спасибо тебе, — прошептала она, глядя на Ваню, которого уже осматривал врач. — Спасибо, что не прошёл мимо.

И она, не оглядываясь, ушла в палату к сыну. Прошла сквозь закрытую дверь, как сквозь воду.

Дима остался стоять в коридоре, чувствуя, как тишина больницы давит на уши. Он знал, что больше никогда её не увидит. Но почему-то это не принесло облегчения. Только гулкая пустота внутри.

Когда Дима оказался вне поля зрения — он тихо, стараясь не привлечь внимания, скользнул к выходу.

Оставалось совсем немного до спасительной двери, за которой серела сырая петербургская ночь, как вдруг его вновь остановил чей-то резкий голос.

Он обернулся. Перед ним стояла медсестра с бейджиком, на котором чётко, словно приговор, было напечатано: «Марина». Её глаза — холодные, серые, как Нева в ноябре — смотрели сквозь него, пытаясь разглядеть лицо под маской.

— И куда же вы? — с лёгкой тревогой спросила она. — Неужели хотите сбежать и оставить ребёнка на нас?

— Да, — честно ответил Дима, не видя смысла в дальнейших уловках. — Я уже говорил, что моя жена не должна об этом знать. Так что свяжитесь с домом малютки и передайте его им. Мальчику нужна помощь, а не мои объяснения.

— Но почему именно дом малютки? — Марина пристально взглянула на него.

В её глазах, помимо сомнения, зажглось что-то ещё — почти охотничье чутьё. Она сделала шаг вперёд, сокращая расстояние.

— Вы же говорили, что у него есть мать. Ваш вид в этой маске и очках вызывает подозрения. Не могли бы вы их снять?

— Нет, — коротко ответил парень.

Он чувствовал, как ситуация выходит из-под контроля, как липкая паутина чужих вопросов опутывает его.

— Мне пора идти, — произнёс он, делая шаг к дверям.

Медсестра, не теряя ни секунды, дёрнулась к стене и на-

жала красную кнопку. Тут же, где-то в глубине коридора, завывала сирена — противно, на одной ноте, как похоронный плач.

Из служебной двери вышли двое охранников в чёрных куртках, тяжёлые связки ключей гремели на поясах, как кандалы. Диме пришлось срочно ретироваться. Рывком толкнув дверь, он выбежал на улицу.

К счастью, спортивные навыки не подвели: он легко, звериными прыжками, оторвался от преследователей, свернул в первую же арку, перескочил через ржавую ограду, пробежал по скользким камням двора-колодца и растворился в сумерках.

— Чтобы я ещё кому-нибудь помогал... Чёрт тебя возьми, старуха! На кой чёрт мне этот дар? Это не дар, а проклятие! — бормотал он себе под нос, шагая по пустынным, вымокшим улочкам города.

Голос заглушался лишь шумом собственных шагов и где-то далеко — лаем бездомной собаки. Каменные стены домов, словномолчаливые свидетели его одиночества, равнодушно взирали на него. Штукатурка отслаивалась, обнажая древний, тёмный кирпич. Тусклые фонари отбрасывали длинные, искажённые тени, в которых могло спрятаться всё что угодно — даже те, кто уже умер, но не ушёл.

Дима двигался осторожно, прижимаясь к стенам, стараясь оставаться незамеченным. Он избегал попадания в объективы камер наблюдения, притаившихся на углах зданий точно

стаи чёрных глаз. Каждый раз, проходя под очередной камерой, он низко опускал голову, натягивал кепку — и на мгновение ему чудилось, что кто-то смотрит на него с другой стороны экрана, ухмыляясь.

Наконец он добрался до своей квартиры. Дверь захлопнулась с облегчающим стуком.

В ванной комнате он долго стоял под душем, подставив лицо горячим струям. Тёплая вода смывала усталость, оставляя лишь лёгкое, но въедливое ощущение пустоты — будто из него вынули что-то важное, а взамен положили ледяной камень.

Ощувив слабое облегчение, он вытерся единственным полотенцем и отправился в спальню. Лёжа на кровати, закрыл глаза, пытаясь забыться хотя бы во сне, надеясь, что выходные принесут немного покоя. Но перед закрытыми веками всё ещё стояла та женщина — мёртвая, грязная, с руками, протянутыми к ребёнку.

Утром он первым делом налил себе чай — чёрный, крепкий, до горечи — и включил новости. Экран засветился голубоватым, холодным светом, и ведущая с идеальной укладкой начала вещать:

— Ночью в центре Петербурга полицейские обнаружили тело женщины, у которой остался двухгодовалый ребёнок. Сейчас он находится в больнице под наблюдением врачей.

Дима замер, кружка застыла у губ. Затем ведущая продолжила:

— Также правоохранители сообщают о подозреваемом. Им оказался неизвестный мужчина в маске, который привёз ребёнка в больницу, а затем скрылся.

И тут же его фото: очки, чёрная маска, кепка — вывели на экран. Глядя на себя со стороны, Дима почувствовал, как холод ползёт по позвоночнику, сковывая лопатки.

Как и ожидалось, бизнесмен Николай Клюев вышел сухим из воды. О нём не было ни слова в новостях — ни фамилии, ни намёка. Только про Диму. Говорили, как он якобы убил женщину, а потом, движимый то ли раскаянием, то ли безумием, привёз её ребёнка в больницу, откуда скрылся.

Телеведущая назвала его «жестоким преступником с неустойчивой психикой». Глядя на себя по телевизору — на это чужое лицо, скрытое тканью и стеклом, — Дима почувствовал страх.

Но хорошо, что лица не было видно. Хорошо, что полицейские не смогут его найти. Пока не смогут.

Глава 3

Девушка возвращалась домой поздней ночью, когда город уже погрузился в сонливое молчание.

Она свернула в узкий переулок между старыми домами с облупившимися фасадами, где слабый свет уличных фонарей терялся в тени высоких стен, не в силах пробить густую сырость.

Тьма окутывала её, словно густой бархатный плащ, и холодок пробежал по спине, заставив волосы на затылке шевельнуться. Она вытащила телефон из кармана джинсов и включила фонарик. Тонкая полоска света прорезала мрак, выхватив из темноты ржавую водосточную трубу и россыпь осколков стекла у стены.

Она шла вперёд, слыша, как под подошвами кроссовок хрустит стекло. Внезапно, словно невидимая рука толкнула её в плечо, девушка потеряла равновесие и ударилась плечом о шершавую кирпичную стену.

Телефон выскользнул и упал экраном вниз с глухим стуком. Невзирая на боль в плече, она тут же наклонилась, чтобы поднять его. И тут, прямо перед ней, из темноты возник силуэт мужчины. Высокий, худощавый, с лысым черепом, блестящим в слабом свете фонарика, будто старая кость. Под его пустыми глазницами темнели глубокие чёрные круги — такими бывают глаза у человека, который не спал неде-

лями, но здесь не было и намёка на зрачки.

Одежда на нём висела ключьями, пропитанная чем-то тёмным и липким. Он медленно приближался, не отрывая взгляда от девушки, облизывая губы длинным, почти змеиным языком. Язык с влажным шорохом касался щёк. В воздухе потянуло затхлостью подвала, смешанной с приторным запахом увядших цветов.

От страха перехватило дыхание — лёгкие сжались, будто их сдавили невидимые тиски, — и она невольно отступила назад.

— Кто вы? — спросила она, пытаясь скрыть дрожь.

Слова прозвучали тонко и беспомощно в тишине переулка, где даже ветер затих, словно подглядывал.

Тело незнакомца напряглось, как натянутая струна, и он, не касаясь земли — просто оторвавшись от асфальта, как лист, подхваченный сквозняком, — ринулся к ней. Схватив за шею холодными, цепкими пальцами, лишил её сил, будто вырвал из тела душу одним прикосновением.

Девушка почувствовала, как куда-то уходит тепло, как ноги становятся ватными, а в голове нарастает гул. Внезапная слабость окутала её, словно доза снотворного, погружая в глубокое забытие. Мир начал расплываться, края потемнели.

— Оставь её в покое! — крикнул кто-то.

Голос громко ударил по стенам переулка, отразившись эхом. И тут же последовал удар ногой.

Мужчина мгновенно исчез — не отлетел, а просто рассы-

пался тенью — и материализовался в нескольких метрах от девушки, снова обретя очертания.

Девушка упала. Перед тем как тьма поглотила её зрение, она успела заметить парня в чёрной одежде. Он стоял рядом, равнодушно засунув руки в карманы — настолько спокойно, будто отогнал бездомную собаку.

— Думал, буду избегать призраков, — пробормотал Дима, качая головой. — Как же мне не везёт! Опять не смог пройти мимо...

Из-за того, что Дима попал в новости, вечер превратился в череду разочарований. Тревога, словно холодный ветер с Невы, пронзила его душу: казалось, полиция вот-вот постучится в дверь — резко, настойчиво, — и тогда конец.

Когда наступила ночь, скука взяла верх над страхом. Парень поднялся с дивана и решил прогуляться вокруг дома.

Лунный свет серебрил крыши, придавая спальной застройке почти декоративный, театральный вид. Он свернул в узкий переулок, где раньше никогда не бывал.

Там, он увидел невероятное: злобный дух, окутанный мраком, душил девушку. Мрак вокруг призрака был плотным, почти жидким. Энергия зла, невиданная ранее — она давила на виски, вызывала тошноту и звон в ушах, — исходила от призрака. Но Дима не смог пройти мимо и дать девушке умереть.

Призрак, воплощение чистого зла, уставился на него пустыми глазницами. Он не мог поверить, что этот юноша со-

храняет спокойствие — даже дыхание не сбилось, даже очки с носа не упали, — словно сталкивается с такими сущностями ежедневно.

— Кто ты? — прохрипел злой дух голосом, похожим на скрежет металла.

— Не твоё дело, — коротко отрезал парень.

Он склонился над девушкой и пощупал пульс.

«И что теперь с ней делать?» — думал он, глядя на неё. Она лежала на холодном асфальте, бледная, с приоткрытыми губами, и казалась неестественно лёгкой, словно пустая оболочка.

Дима даже не заметил, как призрак появился рядом и обвил пальцы вокруг его шеи. С лёгкостью подняв парня над землёй, он разразился демоническим хохотом, эхом отдавшимся в ночном воздухе, будто сам дьявол взирал на происходящее.

Смех метался между стенами переулка, множился, накладывался сам на себя — высокий, истерический, от которого закладывало уши. Дима почувствовал, как ноги теряют опору, как сжимается горло, перекрывая дыхание.

В отчаянной попытке освободиться из смертельного захвата он резко согнул правое колено и нанёс мощный удар по челюсти призрака. Тот, как и следовало ожидать, мгновенно выпустил жертву, хватаясь за лицо. Его длинные пальцы с неестественно вывернутыми суставами вцепились в подбородок, и он издал звук, похожий на вой ветра в вентиляци-

онной шахте.

Не тратя ни секунды, Дима подхватил девушку на руки и ринулся прочь.

Кроссовки скользили по асфальту, сердце колотилось где-то в горле, а в ушах всё ещё стоял тот жуткий хохот. Удачно миновав мрачный переулок, он оказался под светом уличного фонаря. Жёлтый, чуть мигающий свет упал на лицо девушки, и на секунду Диме показалось, что она пошевелилась.

Злобный дух попытался настичь беглецов, но свет мгновенно опалил его, заставив отступить. Призрак зашипел, как кошка, наступившая на горячую плиту, и отпрыгнул обратно в темноту.

— Бойся темноты! — прошипел призрак и исчез.

— Чёрт, еле ноги унёс! — выдохнул Дима и пошёл к себе, неся девушку на руках.

Ноги гудели, спина взмокла от напряжения, и каждый шаг давался с трудом. Он поднялся на свой этаж, петляя в полутьме подъезда, где лампочка на лестничной клетке давно требовала замены и мигала через раз.

Войдя в квартиру, он бережно уложил её на диван, и опустился в кресло напротив.

Мысли не давали покоя. Как смогла эта простая девушка увидеть того, кто мёртв? Обычные люди не видят призраков — он теперь знал это точно. И каким образом тот, кто умер, сумел причинить ей боль?

Дима потёр правую ладонь, где раньше была метка, и почувствовал слабое, почти забытое тепло. Где-то в коридоре тихо тикали часы, за окном редкие машины проносились по шоссе.

Сам того не заметив, Дима погрузился в сон. Усталость взяла своё — голова откинулась на подголовник, дыхание выровнялось, и он провалился в чёрную, без сновидений, пустоту.

Но ровно в четыре часа ночи он проснулся, ощутив чьё-то тёплое дыхание совсем близко. Лёгкие, почти невесомые струи воздуха касались его щеки — там, где маска не закрывала кожу. Открыв глаза, он увидел девушку прямо перед собой.

Её длинные волосы, чёрные как ночь, рассыпались по его груди, щекоча через футболку, а карие глаза внимательно изучали его лицо с расстояния всего лишь нескольких сантиметров. Девушка медленно тянула пальцы к маске, которую Дима надел перед тем, как помочь ей, и забыл снять. Её пальцы уже почти коснулись края ткани.

Девушка мгновенно отпрянула назад, словно испугнутая птица. Она лихорадочно огляделась вокруг, ища хоть что-то, что могло бы послужить защитой.

Не найдя ничего подходящего, она схватила первый попавшийся предмет — небольшой горшок с цветком. Старый фикус в пластиковом горшке, земля в котором давно пересохла.

— Это же ты! — воскликнула она. — Из-за тебя меня чуть не уволили, ведь я не смогла тебя задержать! В новостях говорили, что ты убийца! Что ты хочешь сделать со мной? Убьёшь, как ту несчастную женщину?

Её слова прозвучали, словно последний аккорд трагической симфонии, и она закричала во весь голос, будто её жизнь висит на волоске.

Дима мгновенно поднялся с кресла и приблизился к ней так стремительно, что она даже не успела моргнуть.

Одной рукой он мягко, но уверенно прикрыл ей рот — ладонь ощутила тепло губ и прерывистое, паническое дыхание, — а другой забрал горшок с цветком.

— Соседей разбудишь! — прошептал он, стараясь сдержать напряжение. — Во-первых, я никого не убивал. А во-вторых, откуда ты меня знаешь?

Его взгляд стал пронзительным, словно пытался проникнуть в самые глубины её души. Он чуть наклонил голову, и в полумраке комнаты глаза за маской блеснули.

— Я отпущу тебя, но обещай мне, что больше не будешь кричать.

Девушка кивнула — быстро, несколько раз, как кукла на пружине. Глаза её были расширены, по щеке скатилась одна слеза, оставив влажный след. Дима осторожно убрал руку, отступил назад и снова опустился в кресло.

— Убивал или нет — разберётся полиция. Ну а я та медсестра из больницы, от которой ты убежал. Из-за тебя мне

сделали выговор и из-за тебя пришлось работать сегодня... до самой ночи.

— Если я не ошибаюсь, ты Марина... — Дима почесал затылок, вспоминая её лицо в белой шапочке и маске.

— Не ошибаешься. А теперь я пойду, — она проверила карманы на джинсах — левый, потом правый, похлопала себя по бёдрам. — Это ты забрал мой телефон? — подозрительно посмотрела она на него, прищулив глаза.

— Нет. Он остался там. Не было времени подбирать. Если бы я вовремя не выбежал на свет вместе с тобой, нас бы убили.

Дима говорил спокойно, но внутри всё сжалось — он снова мысленно пробежал тот переулок, ту тьму, тот ледяной смех.

— Тогда дай телефон. Я хочу позвонить в полицию и рассказать им о том мужике, что на меня напал, — Марина подошла и протянула руку.

Её пальцы были тонкими, с коротко остриженными ногтями — привычная практичность тех, кто каждый день моет руки по локти.

— Дура, — пробормотал себе под нос Дима.

Тишина комнаты сделала его шёпот отчётливым, и он не стал оправдываться.

— Ты не поняла, что это был не человек?

— Там было слишком темно, — ответила она, продолжая держать протянутую руку.

— Если я не ошибаюсь, это был злой дух. Я не знаю, почему его могут видеть обычные люди... — Дима провёл рукой по лицу, и тут же отдёргнул пальцы — маска! Она всё ещё была на месте.

— Фильмов пересмотрел? — с недоверием спросила она и чуть приподняла бровь.

— Слушай, я говорю правду. Не так давно на моих глазах водитель сбил старушку. Перед смертью она передала мне способность видеть умерших. Якобы я должен им помогать. Вчера женщина, которую нашли в канализации, попросила меня спасти её ребёнка. Так я и оказался в больнице. Вот только из-за этой помощи я стал подозреваемым в убийстве. Но убил её не я, а бизнесмен Николай Клюев — наверняка слышала о нём. И последнее: тот злой дух, что напал на тебя, пообещал вернуться и закончить начатое. Я всё сказал. Если не веришь — выход там.

Он встал с кресла и пошёл на кухню.

Сделав себе чай, он вернулся в гостиную и собрался сделать глоток, как вдруг облился: совсем позабыл о маске. Горячая жидкость пролилась на футболку, обожгла грудь через ткань, и он едва не выронил кружку.

— Чёрт побери, — поставил он кружку на маленький столик, что стоял напротив дивана. Затем он снял маску с очками и положил рядом. Тёмные стёкла блеснули, отразив тусклый свет люстры.

Он сидел, пил чай, делая вид, что не замечает её, пока она

не заговорила.

— Можно мне тоже чая? — голос у неё стал тише, почти домашним.

— Кухня там, — ответил он коротко, указывая пальцем.

Пока Марина была на кухне, Дима искал ответы в интернете. Монитор ноутбука освещал его лицо бледным, лихорадочным светом. Тревога сжимала сердце — нужно было найти способ уничтожить злого духа. Клавиатура щёлкала под пальцами, страницы открывались одна за другой: форумы охотников за нечистью, блоги экстрасенсов, старые газетные вырезки.

Перед тем как девушка вернулась, он успел натолкнуться на несколько ценных строк. Шрифт был мелким, и Дима щурился, приближая лицо к экрану. Оказалось, чтобы одолеть зло, потребуется оружие — нож или любой другой предмет из стали, который следует окропить святой водой. Лишь тогда появится шанс победить тёмную силу.

Марина вернулась с дымящейся кружкой горячего чая в руках. Пар поднимался над керамическим ободком и таял в холодном воздухе комнаты — батареи в старом доме грели едва-едва, как это часто бывает в спальнях районах ближе к ночи. Дима захлопнул ноутбук, но не до конца — оставил узкую щель, из которой пробивался светящийся луч.

Подойдя к окну, девушка замерла, глядя на сонный город, укутанный ночным сумраком. За стеклом тянулись бесконечные пятиэтажки, дворы-колодцы с редкими фонарями,

где-то вдалеке светились окна круглосуточной аптеки.

Вдруг откуда-то издалека донёлся странный звук, похожий на взрыв.

Уличные фонари взрывались один за другим, словно цепь фейерверков, оставляя после себя лишь густую тьму. Вспышки были короткими и яркими, каждая сопровождалась сухим хлопком.

Дима поставил кружку на столик, быстро поднялся и пошёл к окну.

Темнота, словно живая сущность, приближалась.

— Он нас всё-таки нашёл, — тихо произнёс парень, наблюдая, как последний фонарь возле подъезда, словно хрупкое стекло, рассыпается на тысячи осколков.

— Почему ты такой спокойный? — Марина повернулась, её лицо оказалось так близко, что она почти коснулась его щеки своей.

От неё пахло чаем — травяным, с мятой, которую она нашла на кухне, — и ещё чем-то едва уловимым, больничным, вроде спирта и ваты.

— Вчера я узнал, что призраки не могут войти в чужой дом без приглашения, — сказал он.

— Значит, мы в безопасности? — поставила она кружку на подоконник.

Свет замигал и погас, окутав их плотной темнотой.

Марина прижалась к нему, крепко ухватившись за плечи. Её пальцы впились в ткань футболки, и Дима почувствовал,

как они дрожат — мелко, часто, как игла швейной машинки.
— Не бойся, — сказал Дима.

Левой рукой он достал из кармана телефон и включил фонарик.

Белый свет резанул глаза, выхватив из тьмы её испуганное лицо.

— Ну всё, отпусти меня, а то знаешь, как-то неудобно вот так стоять...

Руки его были напряжены и вытянуты вперёд, словно он пытался удержать невидимую преграду. Между руками, словно в тихом укрытии, пряталась Марина, уткнувшаяся лицом в его грудь, ища защиты.

Он чувствовал её дыхание через ткань — порывистое, влажное, — и на секунду самому захотелось закрыть глаза и не открывать.

Девушка отпустила его. Дима подошёл к столику, положил телефон экраном вниз — свет фонарика бил в потолок.

Повернувшись, он встретил взгляд Марины — её глаза были полны страха, а лицо казалось бледным, как полотно. Даже в полутьме заметно было, как побелели губы.

В этот миг Дима почувствовал холод. Он поднимался от пола, спускался с потолка, сжимал грудь, предвещая нечто ужасное.

И тут раздался зловеший голос:

— Я вас нашёл!

Голос шёл из угла комнаты, оттуда, где было темнее всего,

и звучал так, будто говоривший стоял за спиной.

— Как ты попал сюда? — спросил Дима.

Мужчина засмеялся. Его фигура, казавшаяся лишь тенью, медленно приблизилась к Диме, вытянув руки, словно паутину зла.

— Я не простой призрак, скованный запретами... Я воплощение зла, и передо мной все двери открыты!

Дима с невероятной скоростью отпрыгнул к Марине. Повернулся и встал перед девушкой, заслоняя её спиной.

— Так ты у нас герой? Ненавижу таких, как ты!

Тело призрака начали окутывать чёрные клубы дыма. Дым был густым, едким, пахло им, как горелой проводкой и серой, — у Димы защемило в носу, он закашлялся, прикрывая рот рукавом.

Дима лишь успел моргнуть, как вдруг почувствовал дыхание призрака совсем близко. В следующий миг существо уже было рядом. Его пальцы с острыми, как скальпель, ногтями сомкнулись вокруг шеи.

Поднятый в воздух, Дима ощущал, как длинные ногти вонзаются в плоть, оставляя глубокие раны. Кровь стекала тонкими ручейками, и заливала ворот футболки, делая ткань липкой.

Силы покидали его, воздух переставал поступать в лёгкие, но он собрал остатки воли и попробовал нанести тот самый удар — тем же коленом, что и в прошлый раз. Нога пошла вверх, но призрак даже не шелохнулся. Во второй раз это

не сработало. Удар прошёл сквозь тело, как сквозь туман, и Дима понял: старые приёмы здесь больше не помогут.

Марина, объятая ужасом, попыталась сбежать — её кроссовки заскользили по паркету, но призрак не дал ей шанса: он схватил её за шею.

В отличие от Димы, который отчаянно сопротивлялся, хрупкая девушка сразу почувствовала, как воздух покидает лёгкие, оставляя лишь мучительное удушье. Её рот открылся в беззвучном крике, глаза расширились, по щекам потекли слёзы.

— Я вижу пламя в твоих глазах, — прошипел злобный дух. — Люди вроде тебя не должны существовать, как и та старуха...

— Это из-за тебя она погибла? — выдавил из себя Дима.

— Она мешала мне. Всё время суежилась, помогая мёртвым, лишая меня пищи... Пришлось устроить так, чтобы её сбила машина...

Призрак засмеялся — тихо, довольно, как человек, вспоминающий удачную шутку. От этого смеха у Димы похолодело в груди, а на руке, там, где раньше была метка, запульсировало знакомое тепло.

— Чего расшумелись? — неожиданно раздался хриплый голос.

Голос был низким, ворчливым, с той особой интонацией, которой обычно жалуются на молодёжь пожилые люди.

В полумраке, всего в метре от них, стоял низкорослый ста-

рик — не выше метра. Свет фонарика от телефона, лежавшего на столике, падал на него, выхватывая из мрака детали облика.

Обросший, с диковинной длинной бородой — седой, с желтоватым отливом, словно старая кружевная салфетка, — одетый в странную, изношенную одежду, он широко зевнул, окидывая их мутным взглядом. Он почесал живот и покачал головой.

— Ну надо же! — вырвалось из его уст с неподдельным удивлением.

Он смотрел то на призрака, то на Диму, и в его глазах мелькнуло что-то вроде любопытства.

— А ты ещё кто такой? — прорычал злобный дух, сверкая глазами.

Его фигура затряслась, чёрный дым вокруг сгустился, и воздух в комнате стал ещё холоднее — настолько, что изо рта у Димы пошёл пар.

— А тебе-то что? Просто сгинь прочь, — старик щёлкнул пальцами.

Щелчок получился сухим, громким — как удар костяшками по пустому бидону. И дух, словно надутый до предела воздушный шарик, лопнул, разлетевшись на куски. Звук был негромким — что-то вроде «пуф», — но комнату качнуло, и все стёкла в окнах жалобно задрезбужали. Чёрный дым устремился к двери и исчез в замочной скважине.

Свет в квартире включился и Дима кинулся к Марине. Де-

вушка судорожно кашляла — звук был хриплым, мокрым, как будто она выплёвывала невидимую воду, — но оставалась в сознании. Её лицо было бледным, с синеватыми губами и влажными дорожками от слёз.

Он осторожно поднял её на руки. Хотел уложить на диван, однако вновь заметил страх в её глазах. Марина смотрела прямо на старика, её тело сотрясали мелкие судороги. Пальцы вцепились в плечо Димы с такой силой, что он почувствовал боль.

— Ты его видишь? — тихо спросил Дима, но ответа не последовало.

— Видит! — тихо проговорил старик, глядя на Марину.

Он наклонил голову набок, как воробей на карнизе, и его длинная борода заметалась из стороны в сторону.

— Но стоит лишь тебе убрать от неё руки, как она перестанет меня видеть. Всё дело в твоём даре. Ты способен раскрывать другим глаза на потустороннее. Поэтому впредь, когда будешь помогать очередному призраку, старайся не касаться людей, дабы не травмировать их душу... — завершил он свою мысль.

— Кто ты? — Дима продолжал держать Марину на руках, чувствуя, как её дрожь постепенно утихает, а дыхание становится глубже.

Старик, казалось, усмехнулся, хотя лицо его оставалось неподвижным — только в уголках губ пробежала какая-то тень.

— Разве не ясно? Я домовой.

Он почесал затылок, и из-под ногтей посыпалась мелкая серая пыль.

— Живу здесь с самого основания дома. Всё слышу, всё вижу. Только обычно меня не замечают. А ты вот — заметил.

— Значит, я могу видеть не только призраков? — в голосе парня звучала озадаченность.

Он перевёл взгляд с домового на Марину и обратно.

— Именно так, — коротко ответил он.

Голос его был суховатым, но беззлобным — так мог бы говорить дворник, привыкший к ночным сменам. Затем он потянулся, словно просыпающийся медведь — хрустнули суставы, где-то в спине что-то щёлкнуло, — и зевнул во весь рот.

— Ну ладно, мне пора. Я ещё толком не выпался...

Сделав несколько шагов, старик вдруг замер, словно вспомнив что-то важное. Повернувшись, он добавил:

— И помни: за помощь я беру плату. стакан молока и печенье будут в самый раз.

Он подмигнул — вернее, попытался: веко его дрогнуло, и в мутном глазе мелькнуло что-то озорное, почти детское.

Старик растворился в воздухе, оставив после себя лишь лёгкое дуновение ветра. Ветерок был тёплым, даже ласковым — в отличие от ледяного дыхания призрака, — и пахло от него мёдом и воском, как от старой иконы.

Дима бережно опустил Марину на диван. Продавленная

обивка приняла её с привычным вздохом, пружины чуть скрипнули.

— Теперь ты мне веришь? — спросил он, глядя ей прямо в глаза.

— Верю, — прошептала она.

Губы её ещё шевелились с трудом, и шёпот был почти беззвучным — только выдох и едва уловимые гласные.

— Можно я останусь здесь до утра? Мне страшно возвращаться домой, — она обхватила себя руками за плечи и съёжилась, будто пыталась стать меньше, незаметнее.

— Оставайся, но обещай, что никому не расскажешь о том, что произошло сегодня.

— Обещаю, — тихо произнесла Марина, чувствуя, как страх постепенно сменяется чувством безопасности рядом с ним.

Она чуть повернула голову и уткнулась носом в подлокотник дивана. Где-то в стене тихонько застрекотали часы — пробило половину пятого утра. За окном, над крышами спальных кварталов, небо начинало сереть, и в этом блеклом предрассветном свете даже двор-колодец казался почти уютным.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.